

УДК 316.3

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-86-91

«Открытое общество» против «полной правды»

Р. В. Шамолин

*Новосибирский открытый университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Сознание людей, считающих себя цивилизованными, до сих пор ориентировано на некоторые ценности, которые по умолчанию считаются универсальными и эволюционно необходимыми. Это ценности открытого общества, выраженные некогда философом неопозитивистом Карлом Поппером. Наша статья содержит краткий экскурс в историю их утверждения, но приводит к мысли о том, что на текущий момент мы становимся свидетелями их самоотрицания. История не закончилась и перед нами вопрос, что делать: давить на тревожную кнопку или открывать шампанское?

Ключевые слова

открытое общество, полная правда, ценности, конец истории

Для цитирования

Шамолин Р. В. «Открытое общество» против «полной правды» // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 86–91. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-86-91

“Open Society” versus “Complete Truth”

R. V. Shamolin

*Novosibirsk Open University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The consciousness of people who consider themselves civilized is still focused on some values, which are considered universal and evolutionarily necessary by default. These are the values of the “Open Society”, once expressed by the neo-positivist philosopher Karl Popper. Our article contains a short excursion into the history of their establishment, but it leads to the idea that we are witnessing their self-denial at the current moment. The history has not ended and we are faced with the question – what to do: press the panic button or open the champagne?

Keywords

open society, complete truth, values, end of history

For citation

Shamolin, R. V. (2020). “Open Society” versus “Complete Truth”. *Reflexio*, 13 (1), 86–91. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-86-91

© Р. В. Шамолин, 2020

Двадцать лет назад всем было очевидно, что ценности либерализма и свободного рынка, отрефлексированные в брендовый проект открытого общества, безусловно торжествуют на историческом горизонте. Более того, этому проекту не видно было сколько-нибудь существенных альтернатив, что сравнимо с тем, как сорок лет назад жители Советского Союза совершенно не представляли, как может быть что-то еще иное, чем неизбежное и победное утверждение развитого социализма, переходящего где-то вдали в миллениум коммунизма.

Само понятие открытого общества родилось на свет в 1945 году, когда австрийско-британский философ Карл Поппер написал свой бестселлер «Открытое общество и его враги». Врагами «открытости» им объявляются любые тоталитарные системы – как в философии (Платон, Гегель, Маркс), так и в политике (германский и итальянский фашизм, советский коммунизм). Всякая система, претендующая на знание «полной правды» и принуждающая, словом или действием, каждую человеческую личность этой «правде» служить, по определению должна считаться антигуманной. Власть закона, охраняющая права человека (и свободный рынок), – на этом Карл Поппер предлагает строить новый мир, мир без «полной правды», без поработощающих разум и волю «метарассказов». Причем, отмечает автор, власть закона, правовая система склонных к открытости обществ развивается «...в связи с развитием промышленности, свободного рынка и всех предлагаемых им альтернатив». Права человека исходят здесь не из отвлеченных, трансцендентных начал, а из практик регуляции производственных отношений и товарообмена.

Собственно, здесь не было высказано нечто принципиально новое: в свое время Иммануил Кант оставил нам трактат о «всемирно-гражданском» плане истории. В основе лежат те же две вещи – право и рынок. Моральный «категорический императив» обеспечивает права всем и каждому: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла сделаться всеобщим законом». С другой стороны, то, что И. Кант именует «духом торговли, несовместимым с войной», обеспечивает народам открытые границы, а людям – процветающую и долгую жизнь. Сам Карл Поппер неоднократно указывал на свою интеллектуальную близость и к другим кантовским постулатам.

Однако главная притягательность проекта открытого общества заключена все же не в праве и не в свободном рынке. Она связана с тем, что человека больше не обременяли пафосом «полной правды», идеями бессмертия или великой нации и не требовали служения священному долгу. Человека предоставляли его собственной свободе, его собственному выбору того мира, в котором он хотел бы жить. После полувека тотальных войн за интересы государств, партий, корпораций – что могло быть желаннее? Эйфория *self-identity* и *self-made*. Такую эйфорию может хорошо вспомнить и бывший советский человек, когда в конце 80-х годов прошлого века за ним прекратило пристальную слежку око Большого Брата. Тогда впервые за столько десятилетий он вышел из пределов запланированной судьбы; он остро почувствовал и пьянящую невесомость, и перспективы еще неведомых возможностей.

Метод мышления и восприятия, соответствующий проекту открытого общества, был представлен автором как «критический рационализм». Да, сам проект

обещает небывалое освобождение человеческой природы, но метод, на котором он работает, требует также и небывалой осознанности. Ведущее положение его гласит: всякое знание испытывай на фальсификацию, не доверяй никакой предопределенности и никакой истине, претендующей на безупречность: всё, с чем встречаешься, ставь на проверку своей интеллектуальной интуиции, своему опыту и критической способности своих суждений. Но не доверяй безоговорочно и средствам проверки. Интуиция: сегодня она очень убедительна, а уже завтра мы вдруг можем понять, что ошиблись. Опирайтесь на интуицию, конечно же, стоит, но делать это К. Поппер рекомендует «в пробном порядке», проведя ее через ошибки и испытания нашего воображения, через проверки, через опыт явных ее провалов. Иначе – и тому есть множество примеров – она легко делается источником самого безапелляционного фанатизма.

Однако и наш опыт, в ходе которого вещи, казалось бы, познаются нами с максимальной достоверностью, не есть высший и последний критерий. Получаемый из жизненных практик, из экспериментов и прямых свидетельств, опыт тем не менее не содержит в себе неких «чистых данных», не отражает явления так, как они есть «сами по себе». В нем всегда присутствует искажающий элемент – сам субъект опыта, человек, восприятие которого далеко не *tabula rasa*, а составляется из множества предпочтений, догадок, ожиданий, гипотез. По К. Попперу, с опытом связаны «принятые нами традиционные научные и ненаучные знания и предрасудки». В итоге такого фактора, как чистый, свободный от предвзятостей опыт, в человеческой природе не существует. Тот, кто слишком привык полагаться на авторитет опыта, на деле полагается на авторитет собственных установок.

Что касается критических способностей нашего сознания, по умолчанию являющихся неким естественным противоядием всякой «полной правде» и «священному долгу», то и на них Карл Поппер тоже не советует делать последнюю ставку. Признав, что истина в конечной форме недоступна познанию, и убедившись в изменчивом характере всего, что люди когда-то принимали за прочное основание для своей картины мира, человек может весьма легко перейти к обесмысливанию мира. Возникает соблазн «неопровержимого» релятивистского монизма, представления о тотальной относительности всех идей и ценностей в стиле гегелевской формулы: что действительно, то и разумно. С познания снимается потребность в верификации, а с человека – потребность в разграничении высокого и низкого, допустимого и неприемлемого. Практикуя критическое мышление по такому крайнему формату, мы приходим в итоге к тому, от чего критичность должна была нас предохранить: обесмысленный мир становится единственной и неоспоримой «полной правдой» человеческого существования.

Как видно, все эти искушения весьма серьезны и столкновение с ними ведет к изоляции сознания, к законсервированной картине мира – к закрытию того, что предполагается держать максимально открытым. И практически каждый человек может отдать себе отчет в том, что так или иначе на эти искушения поддается. Но Карл Поппер, продвигая проект открытого общества, делает ставку на то, что для человеческой природы всё же свойственна неистребимая воля к обучению и переобучению, к исследованию и преодолению известных границ познанного. Это, по мнению автора, обнадеживает в отношении перспектив проекта. Базовое основа-

ние для открытого общества состоит в наличии самого процесса по раскрытию потенций человека. И в первую очередь важно поддерживать процесс, а не отдельно взятые, пусть даже и великие достижения, принимая их за некий триумфальный эволюционный итог.

«Конечно, следует искать абсолютно справедливые или абсолютно верные предложения-проекты, но никогда не следует убеждать себя, что нам действительно удалось обнаружить их. Очевидно, что критерий абсолютной справедливости невозможен еще в большей степени, чем критерий абсолютной истины» [Поппер, 1992. С. 318].

* * *

В пространстве послевоенной интеллектуальной рефлексии работа Карла Поппера сделалась своего рода указателем в сторону максимально положительного сценария человеческой истории. Не менее, а возможно, и более важную роль сыграли и другие указатели, показавшие возможность сценария по максимуму негативному, зловещему формату. Это знаменитые антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» (издана в 1949 г.) и Рея Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (издана в 1953 г.) Перспектива нарисовалась вполне отчетливая: или люди выходят из режима служения «полной правде» и начинают обучаться сосуществовать со всеми своими оппозициями, или их ожидает встреча с Большим Братом, этим собирательным образом человеческих амбиций доходить в своей «правде» до конца.

И европейская цивилизация, только что на себе ощутив круги ада Второй мировой войны и ужаснувшись после открывшейся завесы над нацистскими концлагерями и сталинскими ГУЛАГами, проект открытого общества приняла с благодарностью. Так же, как и Америка, где гражданские свободы, права, критическое мышление и всеобщая воля к предпринимательству изначально, со времен «отцов-основателей», легли в основу мировоззрения, в основу общественных и индивидуальных практик жизни. Оставался лишь один значительный субъект на мировой исторической арене – Советский Союз, в котором еще доминировал культ «последней правды» и где государственно-идеологический левиафан абсолютно торжествовал и над личностью, и над экономикой. Но постепенно и в этом оплоте «закрытого мира» давал трещины его железный занавес. И под влиянием магнетической «гибкой силы» из лагеря открытого общества, и по всем фронтам проигрывая этому лагерю экономическую конкуренцию, и под воздействием эффектов хрущевской «оттепели» и горбачевской «перестройки» Советский Союз превратился в исторический оксюморон и ушел в прошлое. Страны Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Индия, Китай тоже начинают поворачиваться в направлении «мира без границ». Проект открытого общества великолепно справлялся со своими врагами.

Философско-рефлексивным апофеозом победного шествия открытого общества, бестселлером и своего рода библией стало вышедшее в свет в 1989 году эссе американского профессора Френсиса Фукуямы «Конец истории», а затем изданная в 1992 году его же монография «Последний человек, или Конец истории». Генеральный message обоих текстов: *история закончилась*, а основания этому в том, что ценности права и рынка, выраженные в политическом синониме открытого

общества, в идее *либеральной демократии*, вытеснили со сцены всех своих эксцентричных оппонентов настолько далеко, что серьезного исторического и культурного противостояния более не случится. Характерно, что еще за десятилетия до появления «Конца истории» его предуведомляют и другие популярные интеллектуальные дискурсы, в особенности те, где единый концепт либерально-рыночного человечества вызывает нескрываемое отвращение. В высшей степени этим отличается французская философская мысль, разогретая антибуржуазной «Парижской весной» 1968 года. Леворадикальный Ги Дебор говорит о торжестве «общества спектакля» и конформном, деклассированном индивиде, который всецело вовлечен в механизмы товарного производства и потребления. Культуролог Ролан Барт в своих «Мифологиях» пишет о тотальном господстве стандартов мышления путем бесчисленного числа повторений внедряемых в головы людей властью рыночных и политических корпораций. Теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр характеризует либерально-рыночный мир как вездесущее «общество потребления», которое успешно ставит себе на вооружение даже такие, казалось бы, по определению независимые свойства человеческого ума, как фантазия и воображение, и которое обрело статус настоль незыблемого «гиперреализма», что альтернатива уже вряд ли возможна.

Таким образом, даже критики открытого общества видят в нем прискорбный, но неизбежный финал истории человеческого мира. На некоторых сознание этой неизбежности действует так угнетающе, что они предпочитают просто свести счеты с жизнью, как застрелившийся в 1994 году Ги Дебор. Что касается самого Френсиса Фукуямы, то ему тоже не свойственен большой восторг от открывшейся перспективы: история закончилась на нашем времени и это значит, что для нас более никаких существенных перемен не будет. Да, впереди еще предполагаются многочисленные поправки, апгрейды, модернизации, но всё это в пределах уже имеющегося положения вещей, в рамках уже свершившегося и единственно настоящего актуального проекта, имя которому – открытое общество (по К. Попперу) или же *либеральная демократия* (по Ф. Фукуяме). Данный проект еще и потому представляется конечным итогом исторической эволюции (как понимает это автор «Конца истории»), что не несет в себе неразрешимых противоречий и предоставляет человеку максимальную свободу реализовать себя. Но вот вопрос: насколько вообще уместно говорить о свободе при безусловном историческом и культурном предопределении? Где место свободе, когда стратегически уже известен «конечный итог»?

По самому факту появления идеи «конца истории» очевидно, что в самой полной мере реализовались те искушения, о которых так основательно предупреждал автор идеи открытого общества, Карл Поппер. Процесс раскрытия человеческих потенциалов, обещающий не знать границ, наткнулся на закрытую дверь в виде глубокой удовлетворенности от достигнутого на определенной точке состояния. Творческий интуитивизм трансформировался в неподвластный сомнениям суверенитет; практики опыта стали практиками реализации известных и проработанных авторитетных установок; критическое мышление сделалось популистским постмодернизмом, смешивающим всё со всем и предпочитающим один критерий оценки – критерий рейтинга. Эти превращения можно сравнить с теми, что проис-

ходят в известной сказке про Золушку: карета становится тыквой, породистые лошади – мышами, а стильные возничие – ящерицами.

Впрочем, всем нам предстоит выяснить, так ли необратимы превращения. Возможно, человечество снова предпочтет «процесс» «конечному итогу». И возможно, «процесс» пойдет уже совсем в ином направлении.

Список литературы

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

References

Popper K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Moscow. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
14.07.2020*

Сведения об авторе

Шамолин Роман Валентинович – кандидат философских наук, антрополог, ректор Новосибирского открытого университета (Новосибирск, Россия)
shaman-rom@yandex.ru

Information about the Author

Roman V. Shamolin – PhD, anthropologist, Rector of Novosibirsk Open University (Novosibirsk, Russian Federation)
shaman-rom@yandex.ru